

Константин Попов

Семантико-стилистическая характеристика слова тишина в произведениях Михаила Пришвина (на материале книги «Зеленый шум»)

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 8, 72-76

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Константин Попов*Софийский университет (Болгария)*

Семантико-стилистическая характеристика слова *тишина* в произведениях Михаила Пришвина (на материале книги «Зеленый шум»)

Каждое слово в художественном тексте имеет свою семантико-стилистическую характеристику и отличается своей эстетической ценностью, выполняя определенную идейно-художественную роль, вступая в самые разные сочетания слов. «Слово в языке художественной литературы, – отмечает А. Н. Кожин, – становится произведением искусства; оно функционирует в качестве компонента художественной речи, посредством которой моделируется изображаемое, то есть воссоздается образ описываемой действительности с помощью эстетически знакомых единиц языка» (Кожин 1986: 37).

Особенно значимо слово в произведениях такого замечательного писателя-живописца как Михаил Пришвин. Искусный пейзажист и мастер изображать животных, птиц и рыб, их повадки и интереснейшую жизнь в лесу, в воздухе и в воде, М. Пришвин создает прозу, которая пропитана вдохновляющей поэзией. Он умеет немногими словами сказать многое, вложить большое содержание в миниатюрные картины-эссе и открывать читателю неведомое ему. В книге «Зеленый шум» (Пришвин 1983) показана богатейшая жизнь русской природы, которую он вдохновенно воспевает и изображает во всей ее пленительной красочности и неповторимости. Писатель влюблен в русскую природу, умеет побудить и читателя полюбить ее. В миниатюрном эссе-импресси «Ромашка» М. Пришвин пишет о своей радостной встрече с милой ромашкой, делясь с читателем: «При этой радостной встрече я вернулся к мысли о том, что лес раскрывается только для тех, кто умеет чувствовать к его существам родственное внимание» (с.129)¹.

Одним из слов, обладающих большой образностью и экспрессией, но лишенных референта, является слово *тишина*, которое по этой причине всегда метафорично и полифункционально, и всегда играет заметную идейно-художественную роль. Оно является средством изображения и настроения повествователя или персонажа (персонажей), и психического состояния героев. Почти всегда слово *тишина* встречается в речи повествователя. В статье о тишине в романе Фани Поповой-Мутафовой отмечено: «Исходя из убеждения, что за каждое слово в художественном тексте

¹ Здесь и в дальнейшем цитата сопровождается указанием страницы по: Михаил Пришвин (1983), *Зеленый шум*, Москва. Слово *тишина* с определителем выделяется далее нами курсивом.

ответственен писатель, который рисует его с учетом идейно-художественных целей текста, можно сказать, что каждый писатель имеет свою тишину, которая используется в определенных целях» (Попов 2009: 111).

Если для болгарского классика художественного слова Йордана Йовкова наиболее типично употребление определительного словосочетания *глубокая тишина* в различной сочетаемости и с различным идейно-художественным эффектом (Попов 2008: 108–109), то для русского классика Михаила Пришвина наиболее часто употребляемым является определительное словосочетание *полная тишина*. Из приблизительно 35 случаев использования слова *тишина* с определением *полная* приходится 8 словоупотреблений, но есть и объектное словосочетание *наполнил всю тишину* (242), которое по значению приближается к определительному словосочетанию с эпитетом *полная*, хотя объектное, как правило, имеет более динамичный характер. Но и в определительных словосочетаниях типа *полная тишина* замечается разнообразное его употребление, что заметно отражается на его семантике и образности. Так, например, словосочетание *полная тишина* иногда является активным началом изменения обстановки. Сравним: «Тогда наступила полная тишина и везде стало все слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки» (37). На другой же странице книги *полная тишина* рисует только место, где происходит событие, например: «В полной тишине, когда выла Травка, Серый сразу понял, что это было в палестинке, и скорей, скорей замахал туда напрямик» (38). В третьем случае *полная тишина* рисует картину безмолвия в лесу: «Внизу в травах полная тишина, и в ней, слышно, работает шмель» (137). В рассказе же «Дружба» встречается двойное употребление анализируемого словосочетания в одном и том же предложении, что усиливает его значимость в обрисованной картине земного и космического звучания. Сравним: «Редкая погода была для февраля: легкий морозец, полная тишина, чистое небо с мерцанием всех звезд, и в полной тишине недалеко от нашего домика ночной сторож шел с колотушкой и так мирно постукивал, что, казалось, в этом же ритме и звезды на небе дышали» (251). Уже в рассказе «Охотничьи собаки» словосочетание *полная тишина* служит для обрисовки напряженной ситуации: «Точно так же каждый охотниклюбитель, что бывал с легавой собакой на тяге вальдшнепов, когда в полной для нас тишине в напряженном ожидании вдруг видит, будто электроток пробежал по собаке» (298).

Слово *тишина* в примере «над прудом царствует полная и совершенная тишина» (473) определяется двумя разными эпитетами, хотя и синонимичными, где подчеркивается значимость определяемого слова путем градации двух эпитетов, весьма близких по семантике.

Два раза встречается употребление эпитета *морозная*, вначале самостоятельно, а второй раз вместе с другим эпитетом: в первом случае рассказ «Рубиновый глаз» (состоящий лишь из четырех строк) начинается с номинативного предложения *Морозная тишина* и дает общую картину вечернего леса, а во втором случае в рассказе «Голубые тени» (состоящем

из шести строк) уже показана картина тишины в движении при помощи глагола: *Возобновилась тишина, морозная и светлая* (102), где эпитеты морозная и светлая придают слову тишина насыщенность и красочность, обогащая представленный пейзаж. Темпоральный характер имеет слово тишина в словосочетании *перед тишиной вечерней зари* (37). Тишина может быть предметом восхищения в номинативном предложении: «Какая задумчивость, тишина!» (105). В волшебной картине зимнего лесного мороза «Деревья в лесу» художник видит своим всепроникающим глазом, как реагируют деревья на давящую их снежную массу, что они переживают почти как люди, чтобы охарактеризовать фантастическую действительность двумя эпитетами, связанными с местом и качеством слова тишина. Сравним: «В лесной *снежной тишине* фигуры из снега стали так выразительны, что страшно становится: «Отчего, думаешь, они ничего не скажут друг другу, разве только меня заметили и стесняются» (152). Конечно, эпитеты, определяющие слово тишина, являются метафорическими, потому что это слово не имеет собственного семантического содержания, а ему приписываются черты, характерные для окружающих его предметов.

«Тишина леса» может быть объектом и развернутой картины усложненной и полиассоциативной, чтобы художник выразил свое личное отношение к ней, сравнивая ее лечебный эффект с утомительным шумом города. Так путем сочетания двух активно проявляющихся эпитетов еще зримее выделяется характер тишины. Сравним: «...у леса была своя, *тишина, очень действенная и увлекающая* мое внимание к себе целиком» (107).

Отрицательной экспрессией обладает эпитет в словосочетании *гробовая тишина* (95), но этот негативный признак объясняется и подтверждается дальнейшими фактами, которые еще больше усиливают мрачную картину, которая весьма редко встречается в языке М. Пришвина. Наличие этой *гробовой тишины* видно в повторяющихся словосочетаниях и в заключительном сравнении камней под ногами людей с могильными плитами, то есть эпитет *гробовая* в начале абзаца повторяется синонимичным эпитетом *могильные*, что дает цельность и законченность мрачной картине.

Одним из самых положительных эпитетов является эпитет *великая тишина* в предложении, где тишина вызывает неизмеримый восторг у художника слова. Сравним: «В этот раз недолго мне пришлось любоваться громадами снежных дворцов и слушать *великую тишину*» (242). А недолго продолжалась эта радостная сцена, потому что тишину внезапно нарушила собака-лисогон, учуявшая поблизости запах зверя. В этом же абзаце тишина повторяется, но сочетаясь с эпитетом *вся*, показывая всеобъемлемость ее измерения.

Наконец, надо отметить и повторение слова тишина, но без каких-либо эпитетов. В рассказе «Хибинские горы», где встречаются и олени, и охота на лисиц, и увлекательные сказки и легенды охотников, и оглушительный вой комаров, которые вдруг исчезают к полуночи и наступает умиротворяющая тишина, выраженная художником слова в номинативном

предложении: «И тишина – тишина» (97). Здесь не нужно никаких других слов, потому что повтор слова усиливает его значимость. Как отмечают бельгийские авторы Ж. Дюбуа и др., «Повтор слова всегда приводит к добавлению смысла» (Дюбуа и др. 1986: 141).

Стоит отметить, что в книге «Зеленый шум» имеются и фонетические варианты слова *тишина* – *тишь* (75) и *тишинька* (35). Последнее слышно в речи женщины, которая по природе больше любит ласкательные слова. Сравним: «Тишинька! – шепчет женка».

Есть места в книге, где словосочетание *в такой тишине* повторяется три раза, чем подчеркивается и усиливается значимость картины, например: «В такой тишине, когда без кузнечиков в траве в своих собственных ушах пели кузнечики, с березы, затертой высокими елями, слетел медленно вниз желтый листик. Он слетел в такой тишине, когда и осиновый листик не шевелился». ... «Как мог в такой тишине стронуться с места и двигаться листик?» (141–142).

У Пришвина можно слышать «тишину» в метафорическом словосочетании, где глагол употреблен в значении «чувствовать», напр.: «И вот тут началась та самая тишина, слушая которую охотник может не скучая, часами сидеть у норы барсука» (146).

В книге «Зеленый шум» все находится в движении, и природа, как величайший симфонический оркестр, дает свои бесплатные ошеломляющие концерты, в которых участвуют с охотой все жители леса, воды, ветры, ручейки, птицы, медведи, волки, соловьи, тетерева, дожди, гуси, лебеди, гудок электровоза, трубный сигнал, писк землеройки, визг стрижей, шуршание листвы, шум ручья, стрекотание сорок, рев быка... Нет полного покоя, нет никакой остановки в кипучей лесной жизни. Если взять миниатюрную зарисовку «Эолова арфа», то в ней можно почувствовать нежную музыку в природных переменах и в ее еле уловимых движениях:

ЭОЛОВА АРФА

«Повислые над кручей частые длинные корни деревьев теперь под темными сводами берега превратились в сосульки и, нарастая больше и больше, достигли воды. И когда ветерок, даже самый ласковый, весенний, волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов сосулек, то они начались, стуча друг о друге, звенели, и этот звук был первый звук весны, эолова арфа» (107).

Следует отметить, что в книге «Зеленый шум» не так часто встречается слово *тишина*, которое антонимично слову *шум* по семантике. Ведь оно изображает богатейшую жизнь леса и его бесчисленные звуки.

И все-таки М. Пришвин проявляет великое умение изображать тишину с разных сторон и с разной лексической сочетаемостью, отчего слово *тишина* у непревзойденного художника слова является емким и полифункциональным, всегда уместным и суггестивным, оригинальным и высокообразным.

В вводной статье о М. Пришвине его собрат по перу и по взаимным дружеским чувствам, тоже великий певец природы Константин Паустовский (ведь Пришвину принадлежит знаменитое признание: «Если бы я не был Пришвиным, я хотел бы быть Паустовским!»), отзывается о своем друге наиболее тепло: «Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они полны свежести и света. Они то шелестят, как листья, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как хрупкий первый ледок, то, наконец, ложатся в нашей памяти медлительным строем, подобно движению звезд над лесным краем» (Пришвин 1983: 9).

Библиография

- Кожин А. Н. (1986), *О квалификации стилистического значения слова*, [в:] *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов*, Пермь.
- Пришвин М. (1983), *Зеленый шум*, Москва.
- Попов К. (2009), *Семантико-стилистична характеристика на думата "тишина" в романа на Фани Попова-Мутафова "Дъщерята на Калоян"*, «Българска реч», № 1–2.
- Попов К. (2008), *Тишина*, [в:] *Неугасимият пламък*, София.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Трианон А. (1986), *Общая риторика*, Москва.

Summary

Konstantin Popov

The semantic and stylistic characteristics of the word 'silence' in the literary works by Mikhail Prishvin (on the material of the book "The Green Noise")

The present paper considers the word 'silence' ('тишина'), which is perceived as one of the words that in artistic language of Prishvin have expressive value, despite their lack of a referent. For that reason the word 'silence' can be described as metaphorical and polyfunctional and it always plays a significant ideological and artistic role. The author of the paper discusses different ways in which the lexem in question functions in collocations, taking into consideration its associative as well as connotative potentiality.